

ОТЗЫВ

официального оппонента кандидата философских наук Паткуля Андрея Борисовича на диссертацию Никулиной Александры Сергеевны «Истина бытия как онтолого-эпистемологическая проблема», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности

5.7.1. Онтология и теория познания

Тема представленной А.С. Никулиной диссертации актуальна и значима для современной онтологии, а также соответствует новейшим тенденциям в теории познания. Выбор данной темы и ее актуальность достаточно, хотя, пожалуй, и не исчерпывающе, обоснованы автором диссертации во введении к таковой. Структурно работа А.С. Никулиной состоит из введения, двух глав первая из которых разделена на два параграфа, а вторая – на четыре (причем каждый параграф в обеих главах, кроме параграфа 2.4, в свою очередь разбит на несколько (3-4) пунктов), заключения и списка литературы. Последний включает в себя сто шестьдесят девять наименований, из которых сто шестнадцать – это публикации на русском, а пятьдесят три – на иностранных (английском, немецком и французском, причем английском по преимуществу) языках. Можно констатировать, что структура диссертации полностью соответствует основному замыслу всего исследования. Общий объем работы составляет сто девяносто две страницы.

Собственно, основная *цель* работы, по словам самой Александры Сергеевны, состоит в том, чтобы «показать значение онтологического определения истины, предложенного М. Хайдеггером, для дальнейшего развития онтологии на примере современной французской философии (Ж. Делёз, М. Фуко, А. Бадью), где осуществляется рецепция, критика и трансформация данной концепции, а также выявить ключевые философские проблемы, которые актуализируются в её контексте; это подразумевает концептуальный анализ основных понятий и методов, используемых данной традицией» (с. 6 диссертации). Из этой формулировки видно, что общая тема – «Истина бытия как онтолого-эпистемологическая проблема» – сразу же ограничивается А.С. Никулиной материалом, относящемся ко вполне определенной философской традиции, причем сравнительно недавней. Уместность такого перехода не вполне очевидна, да и не вполне оправдана в тексте исследования, но нельзя отрицать права выбора ученым направления своего исследования, права, которым и воспользовалась в данном случае автор диссертации. Так или иначе, если выбор фигуры Хайдеггера интуитивно представляется более или менее оправданным для первичного раскрытия темы, то привлечение таких разных по строю своей мысли и степени связанности с хайдеггеровским философским начинанием авторов, как Делёз, Фуко и Бадью, пожалуй,

должен предполагать более развернутое дискурсивное обоснование (особенно это касается фигур Делёза и Фуко).

В целом, структура представленной работы задается именно избранным материалом. Так первая глава ее посвящена понятию истины у Гуссерля, мысль которого рассматривается здесь, скорее, как своего рода затакт для философии Хайдеггера, и собственно хайдеггеровскому пониманию истины. Объем второй главы диссертации поделен между рассмотрением позиций трех указанных французских философов, чья мысль в той или иной степени, позитивно или негативно, мотивирована хайдеггеровской философией. Из всех разделов диссертации наиболее проработанными являются параграфы, посвященные Хайдеггеру и Бадью. А содержание параграфа, посвященного последнему из них, следует признать наиболее значимым в теоретическом отношении фрагментом всего исследования. Напротив, периоды, связанные с изложением взглядов Гуссерля, Делёза и Фуко, сильно проигрывают на фоне параграфов, где речь идет о Хайдеггере и Бадью. Так, создается впечатление, что собственный вклад Гуссерля в «онтолого-эпистемологическую проблему» «истины бытия» не столь велик и значим только ретроспективно – в виду хайдеггеровской позиции, что, очевидно, не так. В этом разделе воспроизведено много общих мест, да и в плане знания и владения материалом здесь автором исследования продемонстрировано менее всего компетентности. В параграфах, посвященных Делёзу и Фуко, последнего недостатка уже нет. Они свидетельствуют о детальном знакомстве А.С. Никулиной с источниками, о хорошем понимании цели и хода мысли указанных авторов. Изложение содержания этой мысли является полным и богатым подробностями, которых иногда бывает даже слишком много, если учитывать систематический характер представленного исследования. При этом, впрочем, и здесь, как и в параграфе о Гуссерле, изложение имеет по преимуществу характер пересказа, в данных параграфах явно не хватает аналитической работы и собственных оценок автора диссертации. Одним из самых неприятных следствий этого является то, что при чтении данных разделов теряется представление о связи их, во-первых, с общей темой исследования (в них вообще об истине не так и много говорится, особенно в случае Делёза), а во-вторых, с фигурой Хайдеггера, теория истины которого, как видно из формулировки основной цели исследования, является в концептуальном плане отправной точкой такового в целом. В разделе о Бадью эти недостатки компенсированы. Здесь можно повториться: посвященный Бадью параграф является наиболее сильным и теоретически значимым в диссертации А.С. Никулиной. Заключение к диссертации обладает несколько большим, чем обычно, объемом. Это, впрочем, обусловлено самим существом дела, поскольку заключение это содержит в себе не только традиционные краткие выводы из проделанной работы и набросок

возможных ее перспектив (относительно последних, кстати, хотелось бы все же иметь больше ясности), но и сравнение изложения концепций истины, рассмотренных в основных разделах работы. Из-за этого заключение выглядит, скорее, как третья, правда, сильно сокращенная и спрессованная, глава диссертации. И в самом деле, возможно, целесообразнее было бы заключение расширить до отдельной главы, посвященной сравнению рассмотренных концепций истины, и отдельно написать стандартное короткое заключение. Нельзя исключать, что это позволило бы избежать впечатления пересказа от некоторых периодов работы, придать ей более аналитический характер, систематический смысл и теоретический вес.

Если теперь говорить конкретно о сильных и слабых сторонах диссертации А.С. Никулиной, то к удачным моментам в ней можно отнести следующие.

- (1) Данная диссертация знакомит читателя с новыми или еще недостаточно известными в русскоязычной интеллектуальной среде именами, а также с не вполне освоенными работами уже признанных здесь авторов, прежде всего, главных героев исследования. В этой связи хочется сделать акцент на глубину и основательность проработки А.С. Никулиной текстов позднего Хайдеггера и работ Бадью – в последнем случае как его ключевых монографий, так и небольших, но очень важных для понимания философского замысла этого французского мыслителя его статей. Использование в диссертации широкого диапазона достаточно современной комментаторской литературы на иностранных языках по теме также достойно упоминания в данном контексте.
- (2) Интересным, хотя и небесспорным, в теоретическом отношении представляется введенное А.С. Никулиной для описания бытия у Хайдеггера понятие *самоотношения*, которое оказывается «самоотношением бытия к самому себе» (с. 36). К сожалению, его содержание эксплицировано в тексте диссертации не так подробно, как оно того достойно; но хочется выразить надежду на то, что раскрытие этого содержания составит тему дальнейших изысканий автора диссертации, а по их результатам – предмет продуктивной философской полемики.
- (3) Также перспективным следует признать проведенное А.С. Никулиной в контексте хайдеггеровской философии сравнение понятий события и эмерджентности (см. с. 48), методологически, конечно, рискованное. Конечно, если смотреть на дело из изолированной хайдеггеровской перспективы, такое сравнение покажется не вполне оправданным, даже затемняющим существо события, но при более свободном подходе, который и культивирует тут Александра Сергеевна, такое сравнение все же может быть признано вносящим свой вклад в создание возможных горизонтов для интерпретации данного понятия.

- (4) Удачным является произведенное в диссертации сопоставление позиций Хайдеггера и Гегеля (см. с. 50), развитие итогов которого, пожалуй, также может составлять одну из значимых перспектив данного исследования.
- (5) Обращает на себя внимание фиксация сходства черт структуры смысла и структуры истины бытия у Хайдеггера, а также обоснование этого сходства (см. с. 87). Впрочем, возможности, предоставляемые данной фиксацией, оказываются существенно ограниченными в силу исходной недостаточной различенности позиции раннего Хайдеггера (теория смысла) и позднего Хайдеггера (культивация истины бытия) как одного из базовых и преднамеренных методологических допущений исследования А.С. Никулиной.
- (6) Обращает на себя внимание произведенное в диссертации сопоставление философии Делёза с философией Хайдеггера, которое, с одной стороны, весьма содержательно, но с другой стороны, слишком кратко (см. с. 92), что понятно, если иметь в виду трудность такого сравнения и неочевидность его основания. Хочется выразить надежду, что более детальное развитие данной темы составляет одну из перспектив проведенного А.С. Никулиной разыскания.
- (7) Теоретически значимым следует признать разбор проблемы индивидуации и связи этой проблемы с проблемой смысла и субъективации на материале философии Делёза (см. с. 96 сл.). Представляется, что этот период работы также имеет неплохие перспективы, особенно если удастся вписать его в более широкий контекст построений как мыслителей, принадлежащих традиции, так и современных авторов.
- (8) Заслуживающей одобрения в диссертации является фиксация и интерпретация двух видов истин в философии Фуко. В этой связи А.С. Никулина пишет: «Стоит отметить, что М. Фуко говорит об истине в двух смыслах. Во-первых, истина понимается им как истина дискурса – неважно, имеет ли она теоретический или практический характер. Такая истина выявляет и удостоверяет существующие формы знания. В ней сосредотачивается власть, формирующая человека в качестве субъекта. Во-вторых, истина понимается как истина-практика речи, которая также сосредотачивает в себе власть, однако это сосредоточение становится независимым от существующих форм знания и тем самым позволяет человеку обрести свободу» (с. 112). В целом, хочется согласиться с таким разделением видов истины у Фуко, но при этом выразить надежду на то, что их конкретная взаимосвязь будет установлена и истолкована в последующих работах автора диссертации.
- (9) Наконец, как уже не раз отмечалось, наиболее проработанными и теоретически значимыми в представленной диссертации являются реконструкция, интерпретация и оценка онтологического замысла А. Бадью,

а именно его понятий онтологии и метаонтологии, связи онтологии и аксиоматики теории множеств, понятий истины и события, в том числе по контрасту с этими же понятиями в философии Хайдеггера. Собственно, характер работы с философией Бадью в данной диссертации мотивирует предположение, что ограничение материала исследования концепциями Хайдеггера и Бадью вообще помогло бы добиться в систематическом отношении более ясных и определенных результатов, касающихся общей его темы.

Что касается недостатков представленного диссертационного исследования, то можно выделить две их группы. Во-первых, это общие композиционные недочеты. Во-вторых, специфические теоретические упущения.

К первой группе можно отнести следующие.

- (1) В диссертации нет достаточного обоснования выбора материала, прежде всего, обоснования того, почему избранная систематическая тема раскрывается именно на избранном, а не на каком-либо ином материале.
- (2) Количество задач (шесть), заявленных во введении к диссертации, явно избыточно для работ такого уровня, а формулировки их не всегда достаточно определенные (см. с. 6-7).
- (3) Имеется определенная неаккуратность в описании методологии исследования (с. 7), например, остается не вполне понятным, чем отличаются «сравнительно-исторический» и «компаративистский» методы, декларируемые во введении как два разных метода. Тем, что компаративистский метод не является историческим? Из дальнейшего изложения остается не очень понятным, как используется здесь, например, «диалогический» метод.
- (4) Формулировки тезисов (с. 8-9), выносимых на защиту, представляются слишком пространными. При этом тезис 5., сформулированный следующим образом: «Показано, что истина бытия, с одной стороны, проявляется как естественная подвижность сущего, как его движение самообнаружения, принципиально незавершенное и неполное, что предполагает бесконечность открытия новых способов человеческого и природного бытия, а с другой – оказывается неразрывно связана с мышлением и разумом в широком смысле» (с. 9), кажется тривиальным.
- (5) Несимметричность структуры глав, состоящая в том, что резюме первой главы дается сразу в ее начале, что не только лишает интриги чтение этой главы, но и дезориентирует при знакомстве с ней, заранее навязывая читателю смысловые акценты. При этом в дальнейшем такое композиционное решение не повторяется.
- (6) В диссертации нередко имеет место злоупотребление сопоставлением слабо связанных друг с другом авторов и концепций, например, сопоставление Делёза, Бибихина и проблемы научности, избыточное и не

вполне уместное цитирование, в том числе авторов, не имеющих прямого отношения к рассматриваемой в данный момент теме. Отсюда иногда возникает ощущение искусственности цитат для контекста, если угодно, «притянутости» их к нему, в том числе и для искусственного увеличения объема текста.

Что касается содержательных недостатков исследования, то тут нужно зафиксировать следующие.

- (1) Формальность раздела, посвященного феноменологии Гуссерля. Уже отмечалось, что для раскрытия общей темы диссертации этот фрагмент не играет какой бы то ни было серьезной роли и производит впечатление, скорее, жеста вежливости – обращения к ничему не решающим истокам, а то и способа искусственно нарастить общий объем диссертации. Но дело не только в этом. Не очень удачным выглядит и сам предложенный в диссертации анализ феноменологической концепции истины, которую можно найти у Гуссерля. Во-первых, недостаточной в этой связи является предложенная А.С. Никулиной реконструкция понятия очевидности и его связи с понятием истины у Гуссерля, в том числе и за счет привязки очевидности к понятию сущности (см. с. 15). Во-вторых, в диссертации не до конца проработана конкретная взаимосвязь понятий очевидности и адекватности в контексте понятия истины у Гуссерля, взаимосвязь, которая является ключевой для проблематики всего исследования в целом, а не только для понимания контекста учения об истине у Гуссерля и Хайдеггера. В-третьих, в диссертации А.С. Никулиной не предложены ни анализ, ни интерпретация решающих и для соответствующих мотивов трактовки истины у Хайдеггера, и для всей тематики исследования (истина, бытие и их связь) §§ 36-39 и §§ 44-45 VI исследования из второго тома «Логических исследований» Гуссерля. Отсутствие их в диссертации тем более удивительно, что соответствующие тексты теперь доступны русскоязычному читателю в переводе В.И. Молчанова. Этот перевод увидел свет в 2024 г., и представленное диссертационное исследование могло бы сыграть роль в его рецепции и оценке. Ни оригинальное издание, ни издание переводов данного произведения при этом не указаны в списке литературы к диссертационному исследованию. Между тем, работа с указанными параграфами, возможно, позволила бы не номинально, а существенно связать раздел о гуссерлевской теории истины со всем последующим изложением в диссертации.
- (2) Принятая по умолчанию А.С. Никулиной методологическая презумпция, состоящая в том, что в ее исследовании «...наследие М. Хайдеггера будет рассматриваться в его целостности, специально не заостряя внимания на особенностях раннего и позднего периодов его творчества, которые выделяют сторонники представления о том, что в творчестве Х. в 1930е гг. имел место “поворот”» (с. 34), которая сама по себе, будучи

результатом свободного выбора исследователя, не может быть подвергнута критике, тем не менее приводит весь ход исследования хайдеггеровской трактовки истины к нежелательным последствиям. Говоря определеннее, *de facto* в исследовании Александры Сергеевны истина в хайдеггеровском ее понимании редуцируется к несокрытости (*Unverborgenheit*), тогда как более раннее понимание ее как разомкнутости (*Erschlossenheit*) *Dasein* по большей части упускается, что приводит к значительному сужению содержания результатов, полученных в диссертации относительно концепции истины у Хайдеггера, а также относительно связи трактовки истины у французских мыслителей с ней.

(3) Вероятно, следствием этого же самого методологического допущения является то, что в представленной диссертации отсутствует анализ соотношения истины в смысле (а) апофантической истины (истины высказывания), (b) онтической истины как раскрытости сущего и (с) онтологической истины как разомкнутости *Dasein* – иерархии, достаточно отчетливо представленной в философии Хайдеггера до «поворота», например, в § 44 «Бытия и времени» и статье «О существе основания». И если в тексте исследования апофантическая истина отличается от более исходной истины у Хайдеггера и воспроизводится его критика связанной с апофантической истиной корреспондентской теории истины, то истина как онтическая истина, т.е. как раскрытость (*Entdecktheit*) сущего, и онтологическая истина как разомкнутость (*Erschlossenheit*) *Dasein* фактически не дифференцируются, соответственно, не прослеживается генезис онтической и апофантической истины из первоначальной онтологической истины как разомкнутости *Dasein*.

Заключение

Несмотря на указанные недостатки, не вызывает никакого сомнения, что диссертация Александры Сергеевны Никулиной на тему «Истина бытия как онтолого-эпистемологическая проблема» выполнена на достаточно высоком теоретическом уровне, она обладает внутренним единством и завершенностью, безусловно, является самостоятельной и по замыслу, и по исполнению. Автор диссертации внесла определенный вклад в разработку проблемы истины и ее связи с бытием в современной онтологии и теории познания. Научные выводы и положения, выносимые на защиту по результатам проделанной работы, обладают новизной и является весьма актуальными для соответствующей области научного знания. Они убедительны и достоверны, хорошо обоснованы. Ключевые результаты диссертации обладают как теоретической, так и практической значимостью. Они достаточно отражены в рецензируемых изданиях; а содержание автореферата полностью соответствует содержанию диссертации.

Диссертация Александры Сергеевны Никулиной «Истина бытия как онтолого-эпистемологическая проблема» соответствуют критериям пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства № 842 от 24.09.2013 г.) (с изменениями и дополнениями), ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.1. Онтология и теория познания.

Паткуль Андрей Борисович,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии науки и техники
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»

Паткуль А.Б.

14 января 2026 г.

Контактная информация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», 190034 Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Тел.: +78123284408

E-mail: spbu@spbu.ru